

УДК 330

К вопросу о формировании новой экономической парадигмы**Хасанова А.Ш.**

Доктор экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой экономической теории
Казанского национального исследовательского
технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ

Ведин Н.В.

Доктор экономических наук,
профессор кафедры экономической теории
Казанского национального исследовательского
технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ

Реалии российской экономики свидетельствуют о том, что процесс дезинтеграции, блокирующий народнохозяйственные эффекты и рост производственного потенциала общества, остается пока определяющим фактором хозяйственной эволюции. Свою долю ответственности за нынешнее состояние несет и экономическая наука, которая остается в плену одномерной, конкурентно-индивидуалистической картины мира. Интуитивный же поиск государством неконкурентных форм и методов консолидации общества не способен вылиться в научно обоснованную экономическую стратегию развития.

Ключевые слова: экономическая наука, конкуренция, экономические школы, современная экономическая школа.

В научной традиции понятие конкуренции связывается с характеристикой поведения человека и организаций в экономическом пространстве, его определяющими признаками считаются частная собственность, экономическая свобода и рыночный обмен. С разной степенью отчетливости эта характеристика просматривается в основных научных направлениях – классической теории, неоклассике и современном институционализме. Судя по всему, конкурентно-индивидуалистическая экономическая картина мира уходит корнями в эпоху возникновения и триумфального шествия капиталистического хозяйства, придавшего экономике невиданные ранее ускорение и масштабы производства. Но если этот скачок в развитии произошел после того, как были созданы условия для свободного предпринимательства и конкуренции, то логично было предположить, что последние и являются главным источником про-

цветания экономики и ее регулятором. Дальнейшая разработка конкурентно-рыночной проблематики подтвердила данные непосредственного опыта. Тем самым была осуществлена «демаркация» общесторического процесса на дорыночную эпоху с консервативным техническим базисом и властными механизмами координации, опирающимися на личную зависимость, и динамичную рыночную экономику, основанную на конкурентном взаимодействии свободных индивидов.

Однако тот же исторический опыт свидетельствует о фундаментальном значении сотрудничества в жизни общества. Вся повседневная жизнь человека, в конечном счете, складывается из разнообразных форм сотрудничества с другими людьми. Еще А. Маршалл обращал внимание на то, что факторы, побуждающие людей конкурировать друг с другом, вместе с тем «толкают людей в направлении уста-

новления сотрудничества и создания всякого рода объединений – корыстных и бескорыстных».

Сказанное вовсе не означает отрицания или понижения роли конкуренции в экономическом развитии общества. Напротив, мы настаиваем на том, что невозможно понять истинную природу конкуренции и ее место в экономическом пространстве, абстрагируясь от фундаментального значения сотрудничества. Отсекая индивида от кооперативной среды, наука создает искусственный теоретический конструкт, которому она – по большей части произвольно – навязывает свойства и параметры, удобные для теоретических построений, но имеющие весьма отдаленное отношение к реальной действительности. Поэтому представляется совершенно естественной неудовлетворенность многих исследователей чрезмерно упрощенным пониманием природы конкуренции. Так, Ф. Хайеку пришлось включить субъекта конкурентных отношений в информационное пространство, создаваемое усилиями всего человеческого сообщества, чтобы объяснить конкуренцию как непредсказуемый процесс выявления индивидом новых возможностей. Последующие исследования позволили выявить тот фундаментальный факт, что информационный обмен ведет не к конкуренции, а к сотрудничеству. Обратившись же к изучению институтов и организаций, экономическая наука вплотную подошла к необходимости пересмотра традиционной экономической картины мира, образуемой поведением «конкурентных атомов». Разумеется, степень осознания этой необходимости неодинакова у разных ученых. Но очевидное стремление многих исследователей выйти за пределы одномерной конкурентно-рыночной парадигмы с ее индивидуалистической методологией ведет к росту интеллектуального напряжения в этой сфере, что, в свою очередь, порождает различные теоретические потоки и исследовательские программы, далеко не всегда лояльные «основному течению».

Нельзя сказать, что отношения сотрудничества, накладывающие сильнейший отпечаток на всю деятельность человека, остались незамеченными для исследователей. Невозможно игнорировать сферу реальности, где формируются язык, нравственность, знания и умения человека, инновации, институты и нормы поведения. Но одно дело – признать существование этой сферы, и совсем другое – понять и раскрыть ее специфическую экономическую природу. На пути решения этих проблем стоит множество барьеров как теоретико-методологического, так и психологического свойства. Уже одно то, что основными признаками сотрудничества являются феномен общего интереса и нетоварный обмен, способно вызвать реакцию отторжения со стороны экономистов, для которых единственно реально существующими экономическими субъектами являются отдельные индивиды, носители частного инте-

реса, единственной формой экономического обмена – товарная форма, а координация осуществляется посредством ценового механизма или, в крайнем случае, иерархией. Пока новая институциональная теория готова признать наличие каких-то специфических нерыночных отношений только в рамках организации, да и то с существенными оговорками.

В литературе отсутствует сколько-нибудь однозначная теоретическая интерпретация сотрудничества как экономической категории. Это касается как содержания, так и масштабов сотрудничества. Иногда это понятие отождествляется с кооперацией труда, т.е. ограничивается рамками организации, иногда употребляется для обозначения предельно широкого спектра разнообразных взаимовыгодных, в том числе и рыночных, отношений. Однако по своему происхождению понятие сотрудничества связано с характеристикой натурального хозяйства.

Феномен сосуществования товарного и нетоварного (натурального, непосредственно-общественного) типов экономической организации общества, по-видимому, имеет возраст, сопоставимый с историей человечества. Именно натуральное общинное хозяйство с присущими ему прозрачностью отношений и общностью экономических интересов многих людей вдохновило Томаса Мора и Томмазо Кампанеллу на создание учений о справедливом обществе, основанном на взаимопомощи и сотрудничестве. Да и Маркс в своих прогнозах коммунистического будущего также опирался на эту нетоварную форму хозяйства, как на прообраз плановой, непосредственно-общественной экономики, исключая конкурентную анархию и эксплуатацию. Экономической науке этот феномен известен давно, но фактически он никогда не воспринимался как серьезная исследовательская проблема, поскольку два типа общественного хозяйства рассматривались либо как самодостаточные, относительно автономные и даже взаимоисключающие друг друга, либо статус экономической формы распространялся, как это принято в неоклассической научной традиции, только на товарную, конкурентно-рыночную организацию [1].

Одновременно в науке сложилось стойкое убеждение в простоте и прозрачности, если не примитивности, натурального хозяйства по сравнению с рыночной системой. Традиционно основные усилия научного сообщества были направлены на проблематику рыночных отношений, на которые только и распространялся статус объективного экономического механизма, приводимого в движение частным интересом индивидов, и потому единственно достойным объектом внимания [2].

Отсутствие сколько-нибудь глубоких, аналогичных исследованию рыночной системы, систематических разработок нетоварного хозяйства, преобладание фрагментарности и стереотипности

соответствующих научных взглядов искусственно поддерживает «жизнеспособность» традиционно-дуалистического противопоставления товарной и нетоварной форм организации общественного хозяйства. Целесообразно поэтому обозначить теоретическое осмысление данного феномена в экономической науке как хозяйственный дуализм. С философским понятием дуализма (от лат. *dualis* – двойственный) его хозяйственный аналог роднит признак несовместимости двух противоположных, равноправных начал.

Под *хозяйственным дуализмом* мы понимаем неявно выраженную теоретическую модель сосуществования автономных по отношению друг к другу способов координации экономического поведения, которые носят взаимоисключающий характер, пространственно не совпадают и неприменимы одновременно к одним и тем же субъектам и предметам. Этим требованиям в современной научной трактовке удовлетворяют альтернативные типы спонтанного и преднамеренного (иерархического) экономического порядка. В традиционной *полит-экономической* интерпретации хозяйственный дуализм означает признание несовместимости таких форм общественного хозяйства, как непосредственно общественное (натуральное, плановое) и товарно-рыночное (стихийное). Дуалистическая модель обнаруживается явно тогда, когда в традиционный анализ рынка включается нетрадиционный предмет, например, организация, к изучению которой исследователи пытаются применить те же самые подходы и инструменты, которые использовались для анализа конкурентно-рыночной системы.

От хозяйственного дуализма мы предлагаем отличать понятие *хозяйственного симбиоза*, обозначающее гипотетическую модель различных, но взаимообусловленных способов координации экономического поведения субъектов, которые участвуют одновременно в разных системах обмена с неодинаковыми базовыми характеристиками (субъекты, предмет, мотив и способ обмена). Очевидно, что данная модель базируется на признании экономической неоднородности обмена. Принципиальная совместимость систем координации (обмена) и вытекающая отсюда возможность их взаимоопосредствования побуждает нас назвать данную модель *органической*.

Ценность приведенных теоретических моделей заключается в возможностях их использования в качестве средств сравнительного анализа и оценки различных научных направлений, школ, исследовательских программ с точки зрения их притяжения к одной из моделей хозяйственной организации общества, – *дуалистической* или *органической*. Первую, дуалистическую, модель мы рассматриваем как традиционную, действующую, а вторую – как формирующуюся, как важнейшее условие возникновения новой экономической картины мира [см.: 1].

Подавляющее большинство западных исследователей, работающих в конкурентно-индивидуалистической парадигме, вообще не рассматривает непосредственно-общественное хозяйство как экономическую форму, относя его к типу традиционной организации, где поведение человека регулируется не принципом экономической рациональности и конкуренцией, а обычаями, традициями и властными субъектами. Характерно, что в известном фундаментальном исследовании М. Блауга «Экономическая мысль в ретроспективе» не встречаются даже сами термины «непосредственно-общественное производство» и «натуральное хозяйство», а упомянутое вскользь понятие плановой экономики никак не интерпретируется [см.: 2].

Хотя наиболее откровенно равнодушные к проблематике натурального хозяйства проявляла либеральная наука, но и классическая политическая экономия не демонстрировала большой приверженности к ее разработке, учитывая ее предметную направленность на исследование товарно-капиталистического хозяйства. Со времен Маркса была заложена научная традиция исследования систем сотрудничества и конкуренции как несовместимых по своей экономической природе и не совпадающих даже пространственно: там, где господствуют непосредственно-общественные отношения, нет места товарно-стоимостным, и – наоборот. Не приходится говорить о том, что позиция Маркса по данному вопросу сыграла весьма существенную, если не решающую роль в последующей разработке советскими экономистами проблемы соотношения непосредственно-общественного и товарного производства в условиях социалистической экономики.

Эти исследования можно рассматривать в качестве уникального научного опыта познания генетически неоднородной экономической системы, содержащей принципиально различные способы координации хозяйственной деятельности. Ни до, ни после этих разработок экономической науке неизвестны попытки исследовать указанные экономические формы связи не изолированно, по отдельности, а в их единстве, взаимодействии и взаимной модификации [см.: 2]. В этой связи следует отметить специфическую роль, которую сыграла принципиальная методологическая установка на непосредственно-общественный характер социалистического производства, основанного на общенародной собственности. Несмотря на проблематичность и некоторую идеологизацию теоретической аргументации, положение о непосредственно-общественной природе социалистической экономики позволило уравнивать масштабы товарной и нетоварной форм производства (традиционно пространство непосредственно-общественного производства ограничивалось микроуровнем – рамками натурального хозяйства или совместного труда на предприятии) и

поставить вопрос о двойственности экономической связи между одними и теми же хозяйствующими субъектами.

Драматизм ситуации придавал поиск выхода из того теоретического тупика, который был обусловлен дуалистической моделью общественного хозяйства. Последняя, как уже отмечалось, предполагает наличие таких способов координации, которые не могут быть одновременно реализованы на уровне одного и того же субъекта и, соответственно, таких экономических форм продукта, которые носят взаимоисключающий характер. Применительно к рассматриваемой ситуации речь идет о товарном и непосредственно-общественном производстве (и продукте). Пока они представлены в исследовании как самостоятельные, не опосредствующие друг друга формы, дуалистическая модель находится в «дремлющем состоянии». Проблемы возникают тогда, когда хозяйственная практика в исторически определенной форме соединяет эти противоположности, ставя теорию в весьма щекотливое положение.

Как нам представляется, главная ошибка исследователей заключается в том, что из целостной структуры сотрудничества искусственно вырывается функция управления (она же квалифицируется как планирующая), которой интуитивно или вслед за некритически воспринятой марксовской цитатой приписывается чудодейственная способность санкционировать общественный характер индивидуального труда до самого процесса (совместного) труда. Далее эта функция механически была перенесена на макроуровень экономики, где уже существует общественное разделение труда в виде различных отраслей и предприятий, специализирующихся на выпуске той или иной продукции, т.е. товаров. Как следствие, сложилась теоретическая схема, содержащая некорректное одновременное приложение способов координации (*a priori* и *a posteriori*), которые в принципе неприложимы к одному и тому же хозяйствующему субъекту. Доведенное до несовместимости противопоставление товарно-денежных и непосредственно-общественных отношений изначально было предопределено неверной трактовкой самой непосредственно-общественной формы производства как формы не-обмена.

Коль скоро национальная экономика может быть представлена (и в действительности является таковой) как общественное хозяйство, все участники которого на этом базисном хозяйственном уровне связаны общим интересом, то к этой целостности применимы определения коллективного производства, независимо от того, имеем ли мы дело с капиталистической или социалистической экономикой. В свою очередь, хозяйственный базис находит адекватное отражение в *двухполюсной модели* общественного хозяйства – совокупный общественный продукт на одной стороне и сообщество индивидов,

сотрудничающих в производстве, распределении и потреблении этого продукта – на другой.

Коллективное производство все пронизано обменом живой деятельностью (в виде информационного обмена), без чего невозможно представить себе интеграцию единичных рабочих сил в коллективную, как и ретрансляцию коллективной производительной силы на уровень отдельного работника в виде его умений, знаний, навыков. Все функции совместного труда есть результат и предпосылка этого обмена. Не составляет исключения и планирующая (управляющая) функция, которая отнюдь не сводится к тому, чтобы подменять разум отдельных работников и взаимную координацию их действий в производственном процессе. Вообще, включение индивидуального труда в общественный – объективный общественно-экономический процесс, который по определению предполагает существование экономического отношения между участниками общественного производства. Материальное же содержание экономического отношения, возникающего по поводу трансформации индивидуального труда в общественный (будь то товарное или непосредственно общественное производство), составляет обмен деятельностью. Нет обмена – нет и экономического отношения. Это – азбука политической экономии.

Планомерность в коллективном производстве, в процессуальном смысле, есть сложная система. Не план как таковой, как субъект-объектное отношение вторгается в систему стихийного разделения труда, но план в качестве органичной части прочих компонентов коллективного производства, принимающих институциональную форму (система государственного воздействия на поведение хозяйствующих субъектов, образования, взаимного информирования, различного рода соглашений, общественных организаций и прочих механизмов формирования коллективного разума и его трансляции на уровень планового института).

С точки зрения масштабов вмешательства в экономику, планирование выступает как конкретно-исторически обусловленная мера институциональной корректировки объективных экономических процессов для поддержания пропорциональности общественного хозяйства и достижения каких-либо общественно значимых целей. Нет никаких оснований ставить планирование в один ряд с рыночным механизмом. Последнему противостоит не план, но система сотрудничества, реализующаяся на хозяйственном уровне национальной экономики. Одним из важнейших компонентов этой системы и является планирование.

Таким образом, специфика экономической картины мира, основанной на взаимообусловленности сотрудничества и конкуренции, предполагает выделение в рамках национальной, а в отдаленной

перспективе и глобальной экономики двух структурных уровней, оснащенных отличными друг от друга, но не взаимоисключающими, механизмами обмена деятельностью и координации. Базисный уровень интерпретируется как система коллективного производства и обмена живой деятельностью, в которой реализуется общехозяйственный интерес. В идеале этот уровень отношений «отвечает», прежде всего, за кооперативные (синергетические) эффекты и соответствующие изменения в производительных силах, инициируя технико-технологические и организационные инновации на основе базовой нормативной среды сотрудничества. Одним из важнейших компонентов этого базиса является государственное хозяйствование. Конкурентно-рыночный уровень экономической системы несет ответственность за создание системы стимулов, обеспечивающих эффективное использование ресурсов частными хозяйствующими субъектами (коммерческими организациями) и оперативное реагирование производства на изменение текущих потребностей (рыночного спроса) сообщества. Оба уровня образуют противоречивое единство, опосредствуя друг друга, но сохраняя в то же время свою специфику.

Между тем рыночное реформирование в России осуществлялось без учета двухуровневой структуры национальной экономики, посредством слепого следования рецепту ортодоксальной рыночной модели – либерализация цен, приватизация госимущества и децентрализация экономики. В современной же экономике с ее постиндустриальными тенденциями преобразования, направленными на одностороннее инициирование конкурентного противостояния индивидов, они не только неэффективны в смысле оптимизации соотношения «хозяйства» и «экономики», а (в интерпретации Ю. Осипова) диаметрально противоположны основному вектору социального прогресса и неэффективны «в квадрате» [см.: 2].

Форма сотрудничества вполне представима и в принципе может существовать без того, чтобы продукт превращался в товар. Существование же конкурентно-рыночного механизма немислимо вне системы сотрудничества. Теория рынка, в той или иной степени пренебрегающая этим фактом, характеризуется значительной степенью условности, абстрактности. Ее научно-практическая ценность ретроспективно может быть достаточно высокой, но она убывает по мере усиления кооперативных, неконкурентных тенденций в экономике, связанных с ее информатизацией и усилением социально-личностных приоритетов.

Индивид в традиционной теории, как она сложилась к началу XX в., есть экономический аналог атома в механистической картине мира эпохи Возрождения. Современная экономическая наука, главным образом ее основное течение, во многом восприняла эту традицию, подкрепив ее, по выражению В.

Марцинкевича, «профессионально-корпоративным интересом» наиболее влиятельной части научного сообщества. И есть все основания полагать, что атомизм в экономической теории не только неадекватен современной социальной реальности с ее гуманистическими тенденциями, но и тормозит процесс научного познания. Прав исследователь собственности в XX в. К.А. Хубиев, утверждающий, что «изменения в функционировании экономики и социальном устройстве жизни под влиянием новых технологий столь стремительны, что XXI в. не сможет обойтись теоретическим иждивенчеством, характерным для XX в.».

Разумеется, экономическая наука не стоит на месте. Ее поступательное движение обнаруживает все новые признаки неадекватности атомистической традиции, – то ли в институциональных регуляторах экономического поведения, то ли в нарастании неопределенности экономических процессов на уровнях личности и социума, то ли в приоритетном значении человеческого капитала, то ли в виде внутрифирменной нерыночной структуры. Согласно В. Леонтьеву, только такой путь последовательных теоретических итераций обеспечивает продвижение вперед, «когда улучшенные теоретические формулировки поднимают новые эмпирические вопросы и ответы на эти вопросы в свою очередь ведут к новому теоретическому проникновению в суть. "Данное" сегодня становится "неизвестным", требующим объяснения завтра». Применительно к конкурентно-индивидуалистической модели, есть основания предполагать, что это «завтра» уже наступило в том смысле, что экономический «атом», как вчерашняя данность, сегодня настоятельно требует объяснений уже в качестве «неизвестного». Итеративный процесс количественного накопления «улучшенных теоретических формулировок» зашел достаточно далеко, чтобы предметом переосмысления стали философско-экономические основания указанной модели.

Литература:

1. Ведин Н.В. Диалектика сотрудничества и конкуренции в хозяйственной эволюции общества тема диссертации по экономике: автореф. дис. ... докт. экон. наук. – Казань, 2007. – 44 с.
2. Ведин Н.В., Газизуллин Н.Ф. Неконкурентные основания хозяйственной жизни общества // Проблемы современной экономики. – 2008. – № 1 (25). – С. 80-83.
3. Шлычков В.В., Нестулаева Д.Р. Кризис экономической теории как отправная точка ее дальнейшего развития // Вестник экономики, права и социологии. – 2013. – № 4. – С. 95-98.

Formation of New Economic Paradigm

N.V. Vedin, A.Sh. Khasanova

Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev

Russian economic realia demonstrate that the process of disintegration blocking economic effects and growth of production potential is still the leading factor of economic evolution. Economics that sticks to one-dimensional, competitive-individualist view bears its share of responsibility for the above-mentioned situation. It is obvious that intuitive state search for noncompetitive forms and methods of social consolidation cannot serve as scientifically-based economic strategy of development.

Key words: economics, competition, economic schools, contemporary economic school.

